

18+

КАТАЛЯ ТИХОНЕНКО

СТРУНЫ ЖИЗНИ

Наталья Тихоненко

Струны жизни

«Издательские решения»

Тихоненко Н.

Струны жизни / Н. Тихоненко — «Издательские решения»,

«Обширные сведения. Неизвестно вообще кто убит, кем убит, за что убит и где убит. Замечательная картина!» — подумалследователь. Он грустно и задумчиво смотрел на мелкую рябь речки, затем снова посмотрел на парня, лежащего на траве. «Совсем молодой юноша, у него должна была быть вся жизнь впереди. А какой красавчик! Брови, волосы, губы. Как все изящно и выдержано. Будто бы грузинский князь какой-то», — с горечью подумал Юрий Дмитриевич.

© Тихоненко Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Струны жизни

Наталья Тихоненко

© Наталья Тихоненко, 2026

ISBN 978-5-0070-9973-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события и персонажи, описанные в этой книге, являются вымышленными. Любые совпадения с реально существующими людьми могут быть только случайными.

*«Если струны жизни слишком ослаблены, то музыка не возникает,
а если струны жизни натянуты слишком туго,
тогда также нет музыки».
(ОШО «Внутреннее Путешествие».)*

Глава 1

Осень. Середина сентября.

Стоял чудесный сухой сентябрь. Не за горизонтом уже прохладные дожди, холодные ветра и долгое томительное время зимы. Но пока дни все теплые с умеренным солнцем, только ночи стали прохладнее. Майор Паламарчук прибыл на место происшествия ранним утром. Выйдя из машины, он огляделся. Окрестности впечатляли. Впереди открывалась панорама на реку Дон. Сквозь туман и облака солнце медленно пробивало себе путь. По воде струилось марево. Дон слегка угадывался легким серебром. Совсем тихий ветер неслышно играл листьями и ветвями еще зеленых деревьев. Природа еще не обрела изящно-пестрого оттенка осени, вот только макушек в позолоте стало больше и кое-где все больше проявляются в листве красные оттенки.

Майор Паламарчук Юрий Дмитриевич был старшим следователем прокуратуры. В его высокой статной фигуре сразу угадывалась военная выправка. У майора было открытое загорелое лицо, короткий ежик каштановых, слегка седеющих волос, и пронизательный взгляд темных глаз. На нем — идеально сидящий синий пиджак, безупречно отглаженная голубая рубашка, начищенные туфли и демократичные джинсы. Паламарчук вдохнул полной грудью сентябрьский воздух, который был удивительно чист и прозрачен, хотя от реки потянуло сыростью. Местом преступления оказалась небольшая речка Темерник. Следователь находился на берегу этой городской достопримечательности.

Река Темерник — один из символов мегаполиса, без которого Ростов-на-Дону трудно себе представить. Некогда это была граница Российской империи, одна из колыбелей отечественного флота. Еще до середины XIX века Темерник был судоходной рекой, по нему ходили небольшие пароходы, в изобилии водилась рыба. Но это все в прошлом. Со временем течение Темерника постепенно замедлилось, началось неизбежное заиливание и заболачивание. Питающие его ключи оказались занесены. Темерник начал мелеть. Внес свою лепту в медленное «убийство» Темерника и технический прогресс. В пойме Темерника было определено место для мощного транспортного узла юга России. Здесь была протянута железная дорога и выведена мостом на левый берег Дона. Начиная с территории Привокзальной площади, поток Темерника «закован» в бетон, хотя глубина здесь небольшая, до одного метра. В таком неприглядном маловодном виде Темерник впадает в Дон.

Как раз в этом месте и находился сейчас Юрий Дмитриевич, на участке реки от Пригородного вокзала до устья — слияния речки Темерник с великим Доном. Рядом сточные грязные воды Темерника и бездыханное тело молодого парня. Резкий контраст поражал воображение.

К моменту появления майора следственно-оперативная группа РУВД уже работала на месте преступления. Эксперт-криминалист осматривал тело, а капитан диктовал молодому напарнику: *«К моменту осмотра неопознанный труп молодого мужчины извлечен из воды и лежит на спине, на траве. Труп мужчины на вид 20—25 лет, рост около 180 см, телосложение нормальное, волосы темно-каштановые, нос прямой, глаза карие, губы средней пухлости. На подбородке слева родинка размером с булавочную головку. Кожные покровы синюшного оттенка. На левой руке электронные часы марки «Casio» с браслетом белого металла. Циферблат бледно-зеленого цвета, время на циферблате 00 часов 15 минут. Предположительно — это время попадания тела в воду. На трупе надеты джинсы темно-синего цвета с фирменным клеймом «Levi's», джинсовая рубашка с длинными рукавами синего цвета также фирмы «Levi's», толстовка с капюшоном черного цвета, носки белые фирмы «Adidas», крос-*

совки комбинированные «Adidas Torion». На трупе обнаружены телесные повреждения в области живота, предположительно ножевое ранение. Кулак правой руки крепко сжат.

К протоколу осмотра прилагаются находившиеся в карманах личные вещи потерпевшего: связка ключей (в количестве 3-х) с брелоком в виде фигурки дельфина, зажигалка, пачка сигарет «Bond», денежные купюры в количестве 3-х, номиналом по 100 рублей, круглая цветная картонка, сложенная пополам».

Паламарчук подошел к оперативникам и коротко поприветствовал коллег. Затем поинтересовался — нет ли по сводке пропавших, мужчин с похожими приметами. Получил отрицательный ответ. Майор присел на корточки рядом с телом. Трава покрыта росой, мокрая и холодная.

Внимательно осмотрел предметы, разложенные на траве рядом с телом. Его внимание привлек кусок картона. Это оказалась подставка под пивную кружку с какой-то эмблемой, на обратной стороне которой была запись шариковой ручкой: «В 12 на мосту у вокзала». Паламарчук достал из внутреннего кармана пиджака хорошо заточенный карандаш «Кохинор» и сделал запись в свой блокнот.

— Палыч, а в кулаке, что-нибудь есть, как думаешь? — обратился следователь к криминалисту.

— В кулаке, кажется, что-то зажато. Что именно, сможем узнать при вскрытии, — ответил эксперт.

— А сколько времени парень пробыл в воде, можешь сказать? — продолжал уточнять Юрий Дмитриевич.

— Думаю, что не меньше двух дней, но не больше трех. Точнее после вскрытия, сам понимаешь, — констатировал пожилой криминалист.

— Палыч, а до вскрытия чем-нибудь поделишься? — с надеждой спросил Паламарчук.

Николай Павлович Петров был очень опытным экспертом-криминалистом. Его всегда покрытое суточной щетиной лицо украшали умные серые глаза и очки в тонкой металлической оправе желтого цвета. Все его уважали и звали «Палычем». Обернувшись к майору, он отрицательно мотнул головой.

— Кто обнаружил тело? — мрачно поинтересовался майор у сыщиков.

— Его обнаружил дворник, вернее, работник коммунальной службы. Он убирал мусор на мосту. Увидел в реке тело, вызвал милицию, — отозвался капитан Стрельцов, оперуполномоченный РУВД.

Труп «образовался» внезапно, по-видимому, зацепился за опору моста через реку. Это был автомобильный мост, соединяющий Западный микрорайон с центральной частью города. Паламарчук посмотрел вверх. В этот ранний час движение транспорта по мосту было неинтенсивное, проезжал один автобус и пара автомобилей.

Утопленник не понравился майору сразу. Документов и телефона при пострадавшем не было обнаружено, орудие убийства также не найдено. Скорее всего, убит молодой человек был в другом месте, сюда принесло течение. Хотя тело могли сбросить и с этого моста. «Обширные сведения. Неизвестно вообще кто убит, кем убит, за что убит и где убит. Замечательная картина!» — подумал следователь. Он грустно и задумчиво смотрел на мелкую рябь речки, затем снова посмотрел на парня, лежащего на траве. «Совсем молодой юноша, у него должна была быть вся жизнь впереди. А какой красавчик! Брови, волосы, губы. Как все изящно и выдержано. Будто бы грузинский князь какой-то», — с горечью подумал Юрий Дмитриевич.

Сколько уже лет прослужил он в профессии, а к этой банальной привычности смертей так и не смог привыкнуть. Что-то внутри его всегда протестовало при виде этих неестественных и бессмысленных способов лишения человека жизни: убийств на бытовой почве, убийств из-за ревности или корыстного умысла. Да мало ли из-за чего. Смерть забирала людей раньше назначенного им «Свыше» срока, безжалостно обрывая все то, чем жил человек, превращая в

прах все его надежды, помыслы и свершения, и это казалось и нелепым, и жестоким одновременно. Скрывая охватившее его сожаление о молодом человеке, которого так рано забрала к себе смерть, Паламарчук стал опять что-то записывать в блокнот. «Хотя со временем небольшая ясность есть, на часах „00:15“ и в записке „12“, зацепка также бар» — анализировал Юрий Дмитриевич.

Ему предстояло узнать все об этом убийстве. Считал, что сведения о личности убитого, пожалуй, наиболее важны для раскрытия преступления. Что представлял собой этот убитый молодой человек? Что собой представляет ближайший круг убитого (друзья, семья, любимая девушка)?

Паламарчук не любил суеты. Суета и спешка лишь путали мысли, создавали ненужное напряжение, мешая приблизиться к истине. Майор знал, что четкое, ясное понимание сути вещей приходит как озарение — яркой, неожиданной вспышкой, в гармонии и покое. Чем меньше лишних, натужных мыслей в голове в этот момент, тем очевидней и ярче одна, единственно верная, ее уже ни с чем не спутать. Все, что нужно, — настроиться на поиск ответа, включиться в поток. А пока нужно подождать.

Майор еще раз оглядел место преступления, убедился, что эксперт исправно щелкает затвором фотоаппарата, попрощался со всеми и направился к своей машине.

Глава 2

Два месяца назад.

Анна Павловна Тихонова в юности не поверила бы, что будет такой матерью декабристкой. Но родительские чувства невозможно понять, пока сам не станешь мамой или папой и не испытаешь гордости за своего ребенка. Эти чувства — диковинная смесь умиления, восхищения, инстинктивной готовности принять на себя всю ответственность за чужую жизнь и потаенного, почти немотивированного ужаса перед этой ответственностью. Ее сын Вячеслав сначала занимался спортом: плаванием, легкой атлетикой. На соревнованиях Анна болела, как сумасшедшая, кричала: «Вперед! Ура! Слава Тихонов — Советский Союз!» Всех друзей и родственников обзванивала, сообщала о его победах. А сегодня «Союза» уже в помине не было. Конечно, у сына бывали и спортивные неудачи, а также травмы, из-за которых к его 16-ти годам со спортом было покончено. Вячеслав увлекся рок-музыкой, научился играть на гитаре, стал писать песни и создал свою музыкальную группу. И в этом его увлечении Анна всегда поддерживала сына. Группу друзья решили назвать «Солярис». Сначала группа состояла из трех человек: самого Вячеслава, который был солистом, Максима Филиппова — гитариста, Романа Денисова — ударника. Никто из этих молодых людей ранее не держал в руках музыкального инструмента (тем более Её Величества ЭЛЕКТРОГИТАРЫ). Вячеслав, который нашел в себе лидера, предложил играть РОК, и не просто РОК, а РУССКИЙ РОК! Кумирами их были родоначальники сего стиля: «Алиса», «ДДТ», «Кино», «Аквариум». Парни решили занять свое место в этом списке. Увлечение творчеством «Аквариума», а главное — Борисом Гребенщиковым (БГ), было у Тихоновых семейным. И Александр Тихонов, муж Анны, и сама Анна были поклонниками БГ с первой победы «Аквариума» на «Музыкальном ринге» в 1987 году и выходом фильма Сергея Соловьёва «Асса», в котором было использовано пять песен «Аквариума».

Анна знала друзей Славы, они все вместе учились в лицее. Решение играть было принято ребятами легко, но потом начались трудности. Необходимо было обзаводиться инструментами. Затем столкнулись с проблемой репетиционной базы. Первое время группа репетировала даже дома у Тихоновых. Но это, конечно же, вызвало недовольство соседей. Азарт и увлеченность музыкой были у начинающих музыкантов такими, что они преодолевали все препоны. Инструменты были куплены, хотя и не новые. Ребятам разрешили репетировать в актовом зале лицея. Там же состоялись и их первые концерты. Незабываемо! Исполняли песни из фильма «Асса» группы «Аквариум» и свои первые композиции. Анна посещала все выступления «Соляриса», была их фанаткой. Все тексты знала наизусть.

Ребята сначала учились в лицее, потом поступили в университет. Группа существовала и развивалась. Друзья играли самобытный не политизированный панк-рок. Тексты писал, в основном, Вячеслав, но и Максим Филиппов был автором нескольких песен. Максим становился замечательным гитаристом и аранжировщиком. Вячеслав солировал и, первое время, играл на бас-гитаре. Роман осваивал барабаны. В университете в группе появился еще один участник. Это был сокурсник Егор Мезинов, который оказался басистом. Он легко влился в коллектив группы. С его появлением Вячеслав стал играть на акустической гитаре, также солировал. «Солярис» выступал в университете, в клубах, участвовал в конкурсах.

В то время, а это было начало 2000-х годов, в Ростове-на-Дону клуб «Подземка» в ДК «Ростсельмаш» был одним из первых. Внутри гостей ждала полная атмосфера андеграунда. Стены расписаны рисунками граффити, по периметру стояли деревянные массивные столы и стулья. По центру зала выделен танцевальный партер, перед которым установлена сцена. Приглушенное освещение создавало особую загадочность. «Подземка» — место, сумевшее объединить совершенно разные программы. Здесь звучала музыка профессионалов, знаменито-

стей и начинающих групп. Единственное правило — это должен быть рок в живом исполнении. Все рок-музыканты стремились в нем выступить. Самые интересные концерты всегда проходили именно там, настоящая ярмарка звука, темпа и пронзительных образов! Именно «Подземка» толкнула многих музыкантов на что-то такое особенное, присущее только ростовскому звучанию — это проворность и оригинальность, темп, поэзия, и, конечно же, русский язык! Менялась страна, менялась и рок-музыка. «Корова на траве», «Мясо», «Церковь Детства», «Зазеркалье», «Запрещенные барабанщики», — малая часть групп ростовского «рокерского межсезонья». Музыканты отрицали прошлые авторитеты, пытались построить свой мир, достаточно агрессивный и даже анархистский. «Солярис» делал свои первые шаги в «Подземке» и в клубе «LiLa».

С наступлением лета «LiLa» совместно с радиостанцией «Наше радио» проводит фестиваль молодых команд и приглашает к участию в «Музыкальном ринге» группу «Солярис». На жеребьевке ребята знакомятся с другой ростовской командой — «А-К», с которой им предстояло играть в один день. Солистом группы и ее идейным вдохновителем был Макс Городовский. Это было не первое выступление «А-К» на этом фестивале, ранее они победили группу «Адмирал Бенбоу». Но Тихонова несколько не смущало это обстоятельство, он был уверен в победе группы «Солярис». Друзья его тоже были настроены на победу.

Был чудесный летний вечер, сменивший дневную жару. Город уже жил вечерней жизнью. Свет зажженных уличных фонарей и неоновых вывесок создавал настроение. В сущности, мы все любим наш город и его летнюю истому больше, чем синее море и зеленые кипарисы. Для нас, ростовчан, нет большей радости, чем прогуливаться по главным улицам, любуясь великолепной архитектурой старинных особняков. Нам нравится наслаждаться зеленью многочисленных парков и скверов Ростова, и особенно, нашей прекрасной набережной. Там встречаешь множество счастливых людей, бегающих детишек. Всегда приятно наблюдать за кораблями, катерами и яхтами, которые курсируют по воде горячо любимого нашего Тихого Дона, который так успокаивает... Здесь прекрасная энергетика.

У Анны было приподнятое настроение, она торопилась на концерт-ринг, который проходил с участием группы сына в клубе «LiLa». Ее муж Александр был в отъезде, почти все лето он проводил в экспедициях. Сама Анна не могла пропустить это важное событие. Уже на подходе к клубу она услышала:

«Моя подруга — темная ночь,
Шей кружева из наших душ!
По дороге домой жги костры,
Пей нашу кровь из грязных луж».

Это был голос ее Славика. «Опоздала!» — огорчилась Анна. Голос звучал звучно и сильно. Объем легких колоссальный, развил на плаваньи. Тихонова испытала радостные и горделивые чувства за своего сына. Она поторопилась зайти в клуб. Меж тесно стоящих столиков лавировали официанты с подносами, уставленными кружками пива, их постоянно окликали или манили руками. Вечер был в разгаре. На сцене была группа «Солярис», исполняла свою первую конкурсную песню «Подруга». Прозвучали последние аккорды и зал оглушили аплодисменты и неистовые крики болельщиков, которые повскакивали со своих мест. Анна увидела друзей сына, которые пришли поболеть за «Солярис». Они сидели за столиком напротив сцены. Тихонова стала продвигаться к ним. Молодежь заранее приготовили ей место. Здесь все были ей знакомы. А Вячеслав уже объявлял следующую песню группы — «Монгольский карнавал». Последней песней был «Островский переулочек». Выступление «Солярис» прошло ошеломительно. Искренность песен и красивый тембр голоса Вячеслава не может оставить равнодушным даже самого критичного слушателя, поэтому группа завоевывает любовь зрителей.

— Со-ля-рис! Со-ля-рис! Со-ля-рис! — вместе со всеми скандировала и Анна Павловна.

Затем выступала группа «А-К». Это тоже молодая и амбициозная команда. В клубе собрались и их поклонники, которые поддерживают также активно своих кумиров. Музыкальный ринг завершается голосованием, по итогам которого «Солярис» побеждает и продвигается в конкурсе дальше. В зале ликование поклонников «Соляриса» и самих музыкантов. Все решают отметить эту победу в баре гостиницы «Московская». Вячеслав приглашает Анну присоединиться к компании. Сначала, Анна Павловна отказывается, но эйфорийное настроение молодежи передается и ей, и она поддается уговорам.

Впервые оказавшись в таком заведении, молодая женщина с любопытством осматривалась по сторонам. В помещении был полумрак. Столиков было не много, наверное, штук — 10 — 12. Со всех сторон Анну Павловну окружали люди самого разного возраста и социального уровня. Здесь можно было различить студентов, офисных работников, так называемых представителей креативного класса и даже иностранцев (темнокожих). Кое-где сидели чисто женские компании, барышни держали в загорелых руках бокалы с вином, что-то весело обсуждая, или проникновенно рассказывая друг-другу последние новости. Гвалт голосов тонул в музыке: «Полковнику никто не пишет. Полковника никто не ждет» — раздавалось из динамиков.

Компания Вячеслава заняла два столика, сдвинув их вместе, рядом с барной стойкой и сделала заказ. Анна Павловна продолжала обследовать обстановку заведения. За столиком в углу зала сидели 3 молодых девушки, не красотки, зато лица живые, подвижные, глаза горят. Девушки щебечут, как утренние птички, наклоняясь над столом, хохочут заразительно. На футболе одной из них Тихонова прочла надпись: «Защитим наши права». При звуках следующей мелодии эта девушка пригласила свою подругу, и они, обнявшись, стали медленно танцевать рядом со столиком. Анна Павловна была шокирована, хотя не считала себя ханжой. Поведение девушек вызвало у нее недоумение.

Еще один столик привлек внимание Анны, за ним, судя по всем признакам, собралась «новая русская интеллигенция» — три парня и одна девушка, по виду, ровесники Вячеслава. Они вальяжно сидели, что-то обсуждая с невеселыми лицами. На пиджаке одного из них Анна Павловна углядела белую ленточку. Лицо еще одного члена этой компании выражало некоторую брезгливость, будто он был выше окружающей его толпы.

— Анна Павловна, как вам здесь? Нравится? — поинтересовалась сидевшая рядом девушка Надя.

— Немного странный контингент, Надюша, — ответила смущенная женщина.

— Не обращайтесь внимания, — отмахнулась собеседница.

Надю Анна Павловна знала со времен лицея. Она училась с ребятами в одной группе, была преданной поклонницей «Солярис», но особенно симпатизировала Максиму Филиппову. Софью привлекало в этой девушке простота, доброта, бескорыстность.

Второй девушкой в компании была Катя Каменкова — дочь ее коллеги, а также сокурсницы по институту. Они общались семьями, но Анна мало контактировала с Катериной. Эта эмансипированная барышня выглядела весьма экстравагантно: носила, в основном черную одежду, на лице — пирсинг в носу и в брови, «боевой раскрас» темных тонов. Слащавое и сентиментальное — это не про нее.

Сидевший у барной стойки молодой человек с явно выбеленными волосами развернулся к столику их компании и стал недвусмысленно улыбаться Егору. Сначала Анна решила, что они знакомы, но посмотрев на Мезинова, усомнилась в этом. Музыкант не проявлял никакого интереса к парню, совсем не обращал внимания на его взгляды. Да и никого из ребят совершенно не волновала атмосфера заведения. Только Анна Павловна чувствовала себя не в своей тарелке, ей было не понятно, почему они пришли именно сюда.

Тихонова наблюдала за такими разными людьми, прислушиваясь к их смеху или оживленным дебатам. Столик у входа занимал бритый на лысо, небрежно, но стильно одетый муж-

чина. Он одновременно был похож на полководца и бритого призывника. Мужчина что-то записывал в лежащий на столе блокнот и наблюдал за входной дверью. Время от времени в бар заходил молодой человек и наклонившись к лысому, что-то говорил ему на ухо. Тот кивал и делал пометки в блокноте.

— Слава, а вы часто бываете здесь, — спросила Анна у сына.

— Да, часто, владелица этого бара — мама Егора, — поспешил ответить Вячеслав.

— Публика специфическая, ты не находишь? — осторожно продолжала Анна Павловна.

— Тебя это смущает? — озабоченно спросил ее сын.

— Пожалуй, что да, — растерянно выдохнула Тихонова.

— Мы считаем, что это наше место, а остальные неформалы появились здесь позже. Но если тебе здесь не комфортно, то можем уйти, — с готовностью предложил Вячеслав.

Домой они добрались уже за полночь.

Глава 3

«Островский переулок»

Газировка смочила горло и напомнила о пустом желудке. Вячеслав посмотрел на часы, до прихода ребят было еще около получаса. Группа репетировала здесь во флигеле недавно. Музыканты сняли его специально для своих репетиций. Флигель находился в центре города и предназначался «под снос», поэтому хозяин сдал недорого. Фасад дома выходил на шумный проспект, где помимо автобусов и машин грохотали трамваи. Ребята завезли сюда старую мебель: диван, пару кресел, стол, стулья. Но, главное, расположили тут свою аппаратуру и назвали «репетиционная база». Всё выглядело примерно так: пульт «Электроника», колонки С-90, барабаны «Русалка» (с соответствующим «железом»), микрофон от «бобинника», электрогитары. Вячеслав сделал себе два бутерброда с колбасой и запил той же газировкой. Включил магнитофон с записью «БГ»:

«Черный ветер гудит над мостами,
Черной гарью покрыта земля.
Незнакомые смотрят волками,
И один из них, может быть, я.
Моя жизнь дребезжит, как дрезина,
А могла бы лететь мотыльком;
Моя смерть ездит в черной машине
С голубым огоньком».

Молодой человек слушал текст «БГ» и размышлял: «Думаю, эти строки он написал под впечатлением Кастанеды. У того есть тема о смерти». Вячеслав достал из своей сумки книгу Карлоса Кастанеды и стал перелистывать страницы. Наконец нашел то, что искал:

«Это огни на голове смерти, — сказал он мягко.

— Она надевает их наподобие шляпы, прежде чем пуститься в галоп. То, что ты видишь позади — это огни на голове смерти, которые она зажгла, бросившись в погоню за нами. Смерть неуклонно преследует нас, и с каждой секундой она все ближе и ближе. Смерть никогда не останавливается. Просто иногда она гасит огни. Но это ничего не меняет... Смерть — это ничто. Смерть всегда рядом, и в то же время ее не существует».

Тихонов сделал глубокую сигаретную затяжку, задумчиво перечитывая текст. Во дворе слышались голоса ребят. Вячеслав вернул книгу в сумку, предварительно заложив закладку. На пороге первым появился Егор в обрезанных до колен голубых джинсах и белой футболке с рокерским принтом. Он повторил последние строки, доносившиеся из магнитофона:

«Только поздно, мы все на вершине
И теперь только вниз босиком,
Моя смерть ездит в чёрной машине
С голубым огоньком».
Остальные тоже бодро подхватили:
«Моя смерть ездит в чёрной машине
С голубым огоньком».

Роман Денисов уже оказался у стола и нарезал колбасу. Максим с Егором торопливо наливали «Фанту» в стаканы.

— Славка, на улице просто Сахара, а здесь ничего — жить можно, — сказал Роман, жуя бутерброд.

— Конечно, ты посмотри, какие здесь стены толстые, жару не пропускают. Хозяева строили себе жилище на столетия, а не «временочку» — согласился Тихонов.

— Ребята, пока ехали в автобусе, меня не покидало ощущение, что нас посадили в консервную жестянку и опустили в жерло вулкана, — включился в разговор Максим Филиппов.

— Или в микроволновку. А хорошо, что стены такие, уличный шум почти не слышен, — продолжал Денисов.

— Главное, что наш шум соседи не слышат, — с усмешкой констатировал Вячеслав.

Он повертел в пальцах зажженную сигарету и положил ее на край пепельницы:

— Хватит хомячить, Ромыч, давайте начинать. Слушай, Макс, я думаю, ты прав, — если в последнем куплете мы сделаем в фа-минор, будет звучать гораздо круче. Пока вас не было, я попробовал проиграть этот вариант.

— Отлично! — обрадовался гитарист. — Я рад, что, в конце концов, ты сам до этого дошел.

— И вообще — пока никаких выступлений, сначала надо подтянуть уровень, незачем выносить на публику сырой материал, — резюмировал Тихонов.

Музыканты начали репетировать «Островский переулок»:

«Ты моя боль моих отражений,
Жалких наград и пробуждений.
И зашивая в кармане луну,
На запах огней в темноте я иду.
Измеряли прохладой глотку весны,
Прятали сердце под воротниками.
Хлебали прохладу, искали любви
К рыхлым булыжникам под каблуками».

Именно эта песня из их репертуара была отобрана на конкурсе. Но прежде, чем отдать ее на местное радио, нужно было записать в профессиональной студии на диск. Ребята искали выходы на такую запись, а пока репетировали в старом доме.

Максим, конечно, был виртуозом, а вот остальным есть, куда расти — и самому Вячеславу, и Егору, и особенно Роме. Денисов был «самое слабое звено» в команде. Он грохотал на ударной установке с большим усердием, но все равно сбивался с ритма.

Закончили поздно вечером, были все уставшие, но довольные результатом. Эта репетиция отличалась от прежних в лучшую сторону. Наконец-то до всех дошло, что существует такое понятие, как аранжировка. Репетиция не прошла даром. Вячеслав перед уходом вспомнил про свое сравнение текста «БГ» и Кастанеды и поделился с друзьями.

— Притянуто за уши, — кисло произнес Роман.

— А я согласен со Славой, параллель прослеживается, — сказал Егор, — но эти «высокие материи» не для Ромкиного понимания. Здесь — клинический случай. Помочь ничем нельзя.

Выражение лица у него при этом было, как всегда, безмятежным, и лишь в глазах прыгали искорки насмешки. Этими словами он умудрился довести до белого каления Ромку, который вспыхнул, как спичка. Денисов кинулся на Мезинова с кулаками, но тот увернулся и рассмеялся. Егор был весьма непростым человеком, отнюдь не славился мягкостью и обходительностью. Он всем досаждал, питался негативными эмоциями окружающих и расцветал от этого.

— Прекращайте, дурачье, — произнес Максим с миротворческой интонацией.

— Слав, а дай мне Кастанеду почитать, — обратился с просьбой Егор.

— Да, конечно, дочитаю этот том и дам, — с готовностью пообещал Тихонов.

Глава 4

Сила рода

Лето в Ростове было знойным. Весь месяц солнце палило нещадно, предлагая горожанам вообразить себя обитателями африканской пустыни. Не наступало облегчения даже к вечеру, воздух не двигался, он застыл неподвижно. Давно не было дождя, раскалённая серая пыль летела с дорог, листва на деревьях пожухла. Счастливые владельцы кондиционеров наслаждались искусственной прохладой, всем остальным приходилось тяжело. Анна глубоко вдохнула сухой горячий воздух. Город, похоже, бьется в последних судорогах знойной агонии — воздух раскалился, дышать совершенно нечем. Слава по ее просьбе поставил на кухне вентилятор, но толку от него было мало. Окно было раскрыто настежь. Летним вечером двор их многоэтажки был заполнен галдящими детьми и их нервными мамами, которые посылали окрики своим «чадам». Из окна доносился этот гвалт голосов.

— Мама, что такое сила рода? Какие черты своего характера я унаследовал от предков? — задал вопрос Вячеслав.

Анна посмотрела на него с интересом. Они сидели с сыном вечером на кухне, и пили чай с «шарлоткой». Немного подумав, Анна ответила:

— За каждым из нас стоят наши предки, которые обладали силой, мудростью, знанием и мастерством. Они накопили это для нас — их потомков. Родовая память или универсальное знание рода — это особая кладовая силы. По крови передается внутренний статус, как ощущаемое право на определенное место в жизни. По крови мы все получаем силу рода.

— А что, ты знаешь о нашей родословной? Кем были мои предки, чем они прославили себя?

— Мы из рода Донских казаков. Я рада, что ты заинтересовался этой темой.

Анна Павловна Тихонова была не четверть донской казачкой. Эта кровь досталась ей по линии мамы. Тема истории казачества была интересна Анне, она много прочла об этом, и теперь с удовольствием делилась со своим сыном.

Современные историки определяют казаков, как народность, которая образовалась в начале новой эры. Глубокие исследования их совместно с географами и археологами позволяют исчислить историю казаков более чем двадцатью веками. Казаки — это результат генетических связей между туранскими племенами скифского народа «кос-сака» и приазовских славян «метео-кайсаров». «Коссахи» в переводе с языка скифов означает — «Белые Олени» (название скифского племени). Поэтому у казаков Всевеликого войска Донского в гербе — белый олень, раненый стрелой. Он символизирует независимость и непокорность донских казаков. Десятки различных народов обитали на привольных донских степях, называвшихся в старину «Диким Полем». Тысячами лошадиных копыт перепажана донская земля, реками крови были политы ее необозримые ковыльные пространства. Казаки стояли насмерть еще рядом с войском Дмитрия Донского, выказав сильную храбрость против врага. История донского казачества — это история постоянных боевых столкновений по защите южных рубежей русского государства. «Граница породила казачество, а казаки создали Россию», — так высоко оценил казаков Лев Толстой. А Михаил Кутузов был глубоко признателен обитателям благостного Дона: «Почтение мое к Войску Донскому и благодарность к подвигам их в течение компании 1812 года, которые были главнейшей причиною к истреблению неприятия».

Анна гордилась тем фактом, что принадлежала, хоть и малой толикой, к этой независимой общности людей. Людей впечатлительных и страстных, не лишенных шероховатости и резкости, более диких, склонных к действиям без оглядки, по первому порыву и велению души, людей, до самозабвения любящих свою землю. А в случае чрезвычайной надобности

вся мужская половина народонаселения способна сесть на коня и действовать с оружием. На Донской земле звание мирного земледельца соединено со званием воина.

Но это была могучая историческая даль. А более близкой и важной для Анны представлялась история ее семьи. Родоначальником рода являлся прадед Анны — Талаев Дмитрий, уроженец хутора Керчик-Савров. Хутор был образован казаками в шестидесятых годах XVIII века на реке Керчик, вблизи ее истока. Речка имела характер раскидистой степной балки с ничтожным течением воды и редкими отдельными расширениями плесов. Первыми поселенцами были казаки Савровы, которые расселились по обеим сторонам балки. Отсюда произошло название хутора — Керчик-Савров. Хутор находился в 40 верстах (около 43 километров) от окружной станицы Кочетовская, расположенной на берегу Дона — главной реке казачества. Станица относилась к 1-му Донскому округу, имела церковь, двухклассное приходское станичное училище (церковно-приходскую школу), хлебную пристань. В станице располагались две ярмарки для торговли скотом и разными товарами. Руководство осуществлял станичный атаман, который избирался на сходах. А еще в станице имелся станичный войсковой табун. Пасли его на специально отведенной территории. Табун содержали в особом кирпичном сарае. Обслуживали лошадей казаки, освобожденные от воинской службы. Табун этот также служил резервом на случай войны.

Анна знала о хуторе Керчик-Савров только по рассказам родственников. Сама же она лишь однажды в детстве, в возрасте 10 лет, проезжала через хутор вместе с другими школьниками по дороге в пионерский лагерь. Их везли на автобусах по грунтовой дороге, от колес впереди идущего автобуса поднимались клубы пыли. Сквозь эту пыльную завесу показался хутор, на въезде Аннушка (так в детстве называли Анну в семье) увидела дорожный указатель с надписью «Керчик-Савров». Зная, что в этом хуторе родились и ее мама, и бабушка, и прадед, — она стала с интересом смотреть по сторонам. Автобусы ехали по центральной улице хутора. Вдоль дороги тянулись заборы, сложенные из плоских камней, вперемежку с плетеными изгородями. Дома стояли все чисто выбеленные и с порыжевшими от солнца камышовыми челками крыш. Во дворах дымились трубы печек, на которых хозяйки что-то варили. Дорогу перебежали гогочущие гуси. На площади, в центре хутора, Аннушка увидела полуразрушенную церковь. За околицей, по обе стороны от дороги, раскинулась невообразимо красивая лазоревая донская степь. Она пестрела пушистыми головками лиловых клеверов, белыми корзинками медовых луговых кашек, синеющими цветами цикория. Но больше всего Аннушку поразил ковыль. Пучки ковыля были похожи на перья страуса. Длинные, податливые малейшему дуновению шелковистые метелки притягивали взор и завораживали. Ветер гнал серебристые волны легких соцветий ковыля от края степи вдаль до горизонта. Жемчужная, перламутровая рябь — как это было красиво! У маленькой Аннушки, городской девочки, осталось в памяти впечатление восторга от представшей перед ней картины. Это было все, что она успела увидеть и запомнить о малой родине своих предков.

В 1875 году земля Донского войска стала называться Областью Войска Донского. И в этом году в семье казачьего урядника, проживавшей в хуторе Керчик-Савров, родился Дмитрий Талаев. О его родителях Анне больше ничего не было известно. Сам же прадед, по словам бабушки Анны, был высок и статен, с черными кудрями и горящим взором карих глаз. Фотографии его в семье не было, и Анна представляла предка в своем воображении похожим на Григория Мелихова из «Тихого Дона». На двадцатом году жизни, как и полагалось, Дмитрий ушел на 3 года служить в казачий полк, который располагался в окрестностях станицы Кочетовской. На военную службу казак являлся со своим обмундированием, снаряжением, холодным оружием и верховой лошастью. Отслужив положенный срок, Дмитрий вернулся в хутор. А вскоре женился на казачке из соседнего хутора — двадцатилетней Меланье. Нрав у Дмитрия был крутой и чувствовался стальной стержень в его натуре. Меланья, напротив, имела небольшой рост, круглое личико и мягкий покладистый характер. Молодая семья сначала жила в

родительском доме Дмитрия, но через короткий срок молодые построили рядом свою хату. Стали обзаводиться собственным хозяйством. В хуторе почти каждый имел в своем подсобном хозяйстве быков, лошадей, коров и овец. Помимо того, что скот являлся основной тягловой силой, его также продавали на ярмарке в станице, что приносило некоторый доход. Семья Талаевых была трудолюбивой и жила зажиточно. В 1899 году у Дмитрия и Меланьи родилась первая дочь — Екатерина, которая впоследствии стала бабушкой Анны. От нее и узнала Анна Павловна историю семьи Талаевых.

Всего Меланья родила девять детей, но четверо из них умерли в младенчестве. Одна из дочерей — Ульяна, погибла в 16 лет по трагической случайности. Однажды отец замахнулся нагайкой на коня, не заметив того, что дочь подошла сзади. Нагайка попала по глазам Ульяны, повредив один глаз, и девушка скончалась от полученной травмы через несколько дней. Это было страшной трагедией в семье, так как Ульяна слыла первой красавицей в хуторе, ее все любили за кроткий нрав, который она унаследовала от матери. Девушка хорошо пела казачьи песни, и вечерами вместе с отцом они затягивали:

А и горд наш Дон, Тихий Дон, наш Батюшка!
Басурману он не кланялся,
У Москвы, как жить, не спрашивался,
А с туретчиной по потылице
Шашкой вострою век здоровкался!
А из года в год степь Донская, наша Матушка,
За пречистую Мать Богородицу,
Да за вольный Дон, что волной шумит,
В бой звала с супостатами!

И вот ее не стало, родители горько переживали эту трагедию. Но любимицей отца, все же, была старшая дочь Екатерина, хотя внешнею она походила на Меланью, нравом была в Дмитрия. В ней чувствовалась настоящая донская казачка — гордая и своевольная. Бабушка Анны — самобытная женщина, наделенная от природы гибким умом, сильным характером, обладала также живой и образной речью. Младшие дети звали ее «нянькой».

Дмитрий был грамотен, а вот Меланья — нет. В хуторе имелась церковь, при ней существовала церковно-приходская школа. Все взрослые дети Талаевых обучались грамоте в этой четырехгодичной школе. Там преподавался закон божий, церковное пение, церковно-славянское чтение, русский язык, чистописание, арифметика и даже история отечества и казачества. По рассказам бабушки Екатерины, провинившихся и нерадивых учеников принято было ставить в угол на насыпанный горох и наказывать розгами.

Грянула революция, мирная жизнь семьи была нарушена. После отречения царя в феврале 1917 года на Дону после двухвекового перерыва собрался Войсковой Круг, на котором было избрано правительство во главе с атаманом А. Н. Калединым. Казаки потребовали права самим избирать форму взаимоотношений с новой Россией. Они отказались признать большевиков и оказали вооруженное сопротивление. Все казаки хутора были призваны в полк, в станицу Кочетовскую. Дмитрий вместе со всеми также отправился в поход, снарядившись полностью в воинскую амуницию, и на своём любимом коне по прозвищу Гром. Он воевал в чине сотника почти три года, дошел с остатками своего казачьего полка и вместе с Добровольческой армией до Новороссийска. Затем Добровольческий корпус из Новороссийска ушел морем в Крым, а казаки стали возвращаться домой на Дон. Дмитрий вернулся в хутор осенью 1920 года пешком, без коня, без снаряжения. Он был изможден походом, но жив и даже не ранен. Не только Дмитрий потерял своего любимого коня Грома, но в походе был утрачен весь станичный войсковой табун.

К этому времени в Керчике-Саврове восстановилась советская власть. Началось раскулачивание и расказачивание. Но в семье Талаевых за годы гражданской войны от бывшего хозяйства почти ничего не осталось, поэтому в список кулаков они не попали. Наступили очень трудные года, бедствовали даже зажиточные хозяева. Сплошная коллективизация в сельском хозяйстве затронула и Керчик-Савров, местные казаки долго сопротивлялись этому явлению. В хуторе начался бунт против проводимых методов коллективизации: отобранную насильно скотину разобрали по домам.

В 1925 году Екатерину, задержавшуюся «в девках», но все же завидную невесту в хуторе, сватает лихой казак Степан Карнаухов. После свадьбы молодые уезжают в город Шахты, который находился совсем рядом от хутора — в 19 км, ближе даже, чем окружная станица Кочетовская. До революции город носил название Александровск-Грушевский. После окончательного установления в нем Советской власти город получил свое новое название в честь людей нелегкого, смертельно опасного труда — шахтеров. В эти годы в городе развернуто большое строительство и восстановление угольных шахт. Из всех близлежащих хуторов стал прибывать народ. Приехав, семья Карнауховых снимает флигель в центре города. Степан устраивается работать на одной из шахт, а Катерина занимается домашним хозяйством. Но семейная жизнь у них не задалась. Степан начал вести разгульную жизнь. Он играл на гармошке и его всегда звали на гулянья. Свою жену Степан туда не брал, и Екатерине это совсем не нравилось. В своей семье она привыкла к тому, что отец ее холил и во всем ей потакал. Поэтому, когда через полгода Дмитрий приехал к ним и привез гостинцы из хутора, она пожаловалась ему на мужа. Отец, не раздумывая, погрузил узлы с вещами и саму Екатерину на телегу, чтобы увезти домой. Так закончилось первое замужество бабушки Анны. Через два года Екатерина вновь попробовала создать семью. У соседа умерла жена, осталось двое сыновей, он решил привести в дом новую хозяйку. Но и с этим казаком у Кати не сладилось, не смогла она стать матерью двум чужим детям.

Весной 1929 года в хутор приехал Илларион Тарасов, который занимался выделкой овчины. Он остановился на постой в семье Талаевых. Илларион был выходцем из деревни Кутузовка Русско-Бродского уезда Орловской губернии. Конечно же, это была центральная Россия, но и там побывали донские казаки и оставили своих потомков.

Иваном Грозным был подписан Указ о создании станично-сторожевой линии южных границ Московского царства на основе 73-х станиц-сторож. В их число вошло также село Русский Брод на реке Любовша. В селе находились свои войска. Исправно несли службу сотники — донские казаки.

Память о тех казаках-сотниках сохранилась в названиях деревень: Тарасов колодец, Сидоровка, Алексеевка, Гурьевка, Кутузовка. Вблизи деревни Кутузовка находился табор — место стоянки казачьих войск с обозом. В этих местах есть историческое название Тарасов верх — это поле, где сотня Тараса учила молодых выездке на конях. Так что предки Иллариона Тарасова были также из донских казаков.

Родился Илларион в семье Поликарпа и Устиньи Тарасовых в 1905 году. Отец был священником в местной церкви. Он всю жизнь занимался самообразованием, читал много книг, помимо Закона божьего, и в своем кругу считался образованным человеком. Поликарп, несомненно, оказал влияние на сына. Как и отец, тот пристрастился к чтению. Из библиотеки отца брал книги Пушкина, Некрасова, Тургенева, Чехова, Толстого. Ларя — так в семье ласково называли Иллариона, рано потянулся к знаниям. Уступая просьбам сына, родители начали учить его еще в дошкольном возрасте. В дальнейшем планировали отправить Иллариона получать образование в духовное училище в г. Ливны. Но революция и гражданская война не дали исполниться этим планам. Лариону пришлось зарабатывать на жизнь разными способами, изучая ремесла. Одним из таких ремесел была выделка овчины. Каждую весну Илларион отправ-

лялся в странствие по разным областям России, где старался заработать денег и посмотреть, как живут люди в других местах. Так он оказался на Нижнем Дону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.